

УДК 808.2(076)

**ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА СВЕТА
В СЛАВЯНО-РУССКОМ ПРОЛОГЕ XV ВЕКА**

© 2011 г.

Т.Д. Маркова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

tdmarkova@mail.ru

Поступила в редакцию 01.03.2011

Описываются средства вербализации в древнерусском Прологе важнейшего христианского концепта *свет*. Приводятся примеры текстовой синтагматики, контекстуальной синонимии, антитезы, однокорневого повтора, используемых для обозначения различных признаков концепта *свет* в исследуемом памятнике письменности.

Ключевые слова: Пролог, концепт, вербализация, синтагматические связи, контекстуальные синонимы, антонимы, антитеза, словообразовательная парадигма.

Идеология исихазма, в том числе и учение о Свете, восходит ко времени возникновения монашества в древней Восточной Церкви и берет свое начало в древнехристианских мистических учениях. Древняя монашеская духовная практика предполагала возможность созерцания Божественного Света. Для этого подвижник должен стяжать чистоту сердца, освободиться от страстей и пребывать в мирном молитвенном сосредоточении. Подобный духовный опыт стал распространяться среди русского монашества, особенно в XIV–XV веках – в период второго южнославянского влияния. Русь XIV–XV веков предстает под знаком Византии, ее влияния, возрождения и расцвета монашества, созерцательного подвига. В это время на Руси становятся известными труды Григория Паламы, в которых было обобщено исихастское учение о безмолвии, молитве и созерцании Нетварного Света, отождествляемого Паламой с Фаворским светом, озарившим Христа во время Преображения.

Святитель Григорий Палама и другие исихасты учили и доказывали собственной жизнью, что восприятие Божественного Света становится доступным человеку не путем философских рассуждений, но постоянным очищением души, совершенным безмолвием чувств и помыслов, непрерывным упражнением в Богомыслии и молитве. Святоотеческие творения донесли до Руси весь опыт первого тысячелетия Византийского христианства, что, в свою очередь, отразилось в неповторимом русском культе Святой Троицы. «Святая Троица есть Первоначальный, Вечный, Несозданный Свет, и хотя сущность

Божества непостижима, но Бог по любви к миру и человечеству изливает свой божественный свет непрерывным потоком на тварный мир, и только в этом излиянии света, этой Божественной энергии, умном Фаворском свете, несозданном и вечном, Бог доступен ангельскому и человеческому восприятию» [1, с. 58].

Итак, чтобы догматически подкрепить живой опыт веры, святитель Григорий Палама, обобщая все, о чем говорили и писали предшественники-исихасты, формулирует учение о таинственных Божественных энергиях, к восприятию которых приближает чистота жизни, души и всех помыслов и непрестанная молитва пламенеющего любовью сердца. В этом состоянии человек способен увидеть то, свидетелями чего стали апостолы на Фаворе – Нетварный Свет Преображения Христова. Идея о таком духовном, светоносном творчестве, открывающем Вечность уже здесь, на земле, буквально окрылила Русь эпохи второго южнославянского влияния; стремление этноса к Преображению вызвало к жизни небывалые, до поры скрытые силы творчества и созидания. Оказалось, что «Бог выше не только знания, но и непознаваемости» [2, с. 67], а следовательно, нужно лишь неустанно совершать духовную работу – и Вечность вольется в душу потоками Божественных энергий. Все пространство литературы той эпохи многократно резонировало весть о «близости неба». Прологи не были исключением.

Свет будущего века – «тот самый свет, который осиял учеников при Преображении Христовом» [2, с. 115] озарит ум, «очищенный добродетелью и молитвой» [2, с. 115]. Стремление

к чистоте души и помыслов превращается в единый для всех общественный идеал Руси XIV–XV веков, так как в этом стремлении видится путь к надмирному единению с Богом. Безусловно, наличие социально-культурной нормы еще не означает всеобщее соответствие этой норме. Однако признание и принятие этносом ценностной иерархии, вершиной которой было объявлено стремление к обожению через чистоту земного бытия, определенным образом настроило всю систему мировосприятия и мировоззрения, а значит, как следствие – и смысловое поле языка.

Самые талантливые люди Руси той эпохи, независимо от сословной принадлежности, пола и возраста, откликнулись на пример византийских и русских исихастов, желая получить «благодатный и святой дар незапятнанных душ и умов» – Божью Славу и Божий Свет, не только созерцаемый, но и наполняющий сердце невыразимым блаженством [2, с. 120]. «Признак Божественного Света – возникающее в душе усмирение недобрых наслаждений и страстей, успокоение и упорядочение помышлений, покой и веселие духа, презрение к человеческой славе, смирение в союзе с несказанной радостью, ненависть к мирскому, любовь к небесному...», а также благодать истинного знания и богодостойной жизни [2, с. 336]. Божественный Свет этот – «изгнатель бесов, истребитель всякого зла, умертвитель греха, сила воскресения и энергия бессмертия, просвещение чистых душ и устройство разумных сил» – «этот умный, премирный и немеркнувший свет есть Сам Бог» [2, с. 340–341].

Древнерусские Прологи пронизаны идеями исихазма. Пролог повествует о жизни подвижников, узревших Славу Божию, и призывает последовать их примеру; Пролог учит тому, что есть Свет Невечерний, и наставляет на путь, ведущий в царство Вечного Света. Каждый фрагмент Пролога содержит в той или иной форме учение о том, как очистить ум, душу и сердце, как наполнить чистотой жизнь, чтобы принять благодать и истину.

Праведники, о которых повествует Пролог, обладают даром прозрения и исцеления, все их помыслы и устремления связаны с желанием прославлять своими делами Бога и служить ближним, жизнь этих людей протекает в духовном подвиге, молитве и телесном воздержании. В итоге Божественный Свет, который стал для подвижников доступен, является зримо, освещающая их лица и проникая в наш мир. Древнерусский читатель, даже если он не был знаком с серьезными богословскими творениями святых

отцов, читая Пролог, узнает о том, что «как глаза чувственного зрения видят чувственное солнце, так праведники глазами души видят умный свет» [2, с. 65], а «энергия Духа в очищенной душе» подобна «силе зрения в здравствующем оке» [2, с. 334]. Сюжеты Пролога свидетельствуют о том, что «как огонь, прикрытый непрозрачным веществом, нагреть его может, а просветить нет, так и ум, когда на нем лежит глухое покрывало злых страстей, может произвести знание, но никак не свет» [2, с. 73]. На примере раскаявшихся грешников Пролог рассказывает читателю о том, что «начало духовного созерцания – добро, купленное чистотой жизни» [2, с. 115], и что человек, победивший свои страсти, сам наполняется духовным светом и «созерцается как духовный свет» [2, с. 335].

Представления о Божественном Свете вводятся в Пролог независимо от жанра конкретного фрагмента – житийного или поучительного. Способы включения соответствующих концептуальных признаков в смысловое пространство Пролога и способы вербализации особого христианского концепта *свет* разнообразны. К наиболее типичным относятся следующие.

1. Актуализация синтагматических связей лексем с корнем 'свет' и различных единиц, входящих в лексико-тематическую группу наименований христианских добродетелей (таких, как пост, молитва, чистота, милостыня, милосердие, смирение, покаяние и т.п.). При этом в семантике лексем с корнем 'свет' усиливаются нравственно-эстетические коннотации, а в семантике наименований христианских добродетелей появляются оттенки принадлежности к сфере небесного, вечного, божественного. Так, в «Слове о варваре разбойнике» рассказывается, как тот *пребысть 12 лет в пустыне по нужи вкушая нагъ пребываше никако же вретница не имый на теле своемь*. Пустынничество, пост, воздержание явились следствием покаяния, просветившего душу варвара-грешника: *Осия его свет покаяния и умилися душею прииде в страх Божий* («Слово о варваре разбойнике») [3]. По кончине подвижника люди стали свидетелями уже явно видимого света, исходившего от тела усопшего: *Виде тело его яко солнце светящися* («Слово о варваре разбойнике») [3].

2. Введение лексем с корнем 'свет' в текст вместе с наименованиями, имеющими в своем составе корни 'благ', 'добр', 'рад', и формирование контекстуально-синонимических отношений между этими лексическими единицами. Благодаря использованию контекстуальной си-

нонимии обозначаются различные признаки, свойственные сложному философскому концепту *свет*. С одной стороны, *свет* – это *лучи, озарившие, просветившие*, а с другой – все, что *добро, добродородное, благородное, благодарное*, все *добродетели, благие ходатайствы*. Более того, *свет* – это *радость, веселие, великолепие, красота: Венчеподателю Вседержителю Богу и Спасу Нашему Иисусу Христу. Добротою и светлостию им же и великий град таковый хвалится* («Память присновспоминаемой и всеблаженной царице и ктиторицы пречистой церкви Вседержителя Спаса Христа Ирины») [3]. Устойчивые представления о свете как о Благе и Добре, переходящие из текста в текст и поддерживаемые контекстуальной синонимией, позволяют, в частности, создать образ царицы Ирины, как будто пронизанной чудесным светом, хотя прямая номинация ‘свет’ в описании не используется: *Милостивно радостне подаваше нежелли взимаючи кому; И колика в руку еи входима и прилучившаяся нищим подааше; Сирым и вдовицам заступница; Прочая же како имамъ поведати кротость молчание смирение къ всемъ милостыни безгневие* («Память присновспоминаемой и всеблаженной царице и ктиторицы пречистой церкви Вседержителя Спаса Христа Ирины») [3].

3. В тексте Пролога подчеркивается отсутствие синонимии между такими наименованиями, как ‘свет’ и ‘огонь’. Данные лексемы, напротив, становятся антонимами и входят в состав глобальных антитез, на которых строятся фрагменты как повествовательные, так и учительные, например: *Помысли кака будущаа отпадения царствия болезнь якоже от геены. Присныя узы. Тма внешняя. Червь ядовитый. Скрежет зуб. Скорбь и туга огненных реки. И печи неугасимыя* («Слово святого Иоанна Златоуста о страхе будущих мук») [3]. Святитель Иоанн рисует картину ада, где нет света, но царствуют огонь и тьма. С точки зрения носителя современного русского языка, это представляется не вполне понятным и требует комментария. Действительно, «если свет в системе нравственно-эстетических взглядов христианина воспринимается как чувственное воплощение Бога, то тьма становится неотъемлемым атрибутом и качеством сил зла. Не случайно поэтому одним из основных значений лексемы *темный* в языке рассматриваемого периода является значение ‘адский, бесовский, дьявольский’ [4]. Это абсолютно понятно. Однако если во тьме горит огонь, то почему там нет света? Ответ святитель Иоанн дает далее. Дело в том,

что свет как концепт христианский не предполагает такого признака, как горение. Свет представляет собой явление совершенно другого порядка, о чем и повествует Пролог своему читателю: *В тму веденымъ быти несветлую ону. В неослабныя болезни. В несъглядаемыя муки. <...> Огнь бо рече ту есть. И тма и узы. И червь неумираяй*. Горение не есть свет. Поэтому далее неслучайно святитель комментирует странное сочетание несочетаемого – огня и тьмы: *Аще бо огнь есть како тма есть. Видиши ли яко лютейший есть огнь той сего. Не имать бо света <...> помыслимъ колико есть зло присно горети и въ тме быти* («Слово святого Иоанна Златоуста о страхе будущих мук») [3].

Свет есть благо, тогда как огонь есть зло. Атрибутом этой огненной и вместе с тем безблагодатной тьмы будет одиночество: *Помысли что есть егда с мужеубийцы всяя вселенныя горимъ. Ни видящеи и невидими. Но в толице народе едины мняще быти. Тма бо не дает ни ближнихъ насъ познати. Но яко единъ каждый стражда тако мнить* («Слово святого Иоанна Златоуста о страхе будущих мук») [3]. В огненной тьме живет духовная смерть, являющаяся следствием нераскаянных грехов. И это неудивительно; говоря о том, что «в концептуальной структуре, кодируемой именем *грех*, скрывается определенная интерпретация духовной деятельности» [5, с. 96], вспомним этимологию данного наименования: «Непосредственно *грех* связан с *грать*: т.е. грех – это то, что мучает, жжет, вызывает сомнения. Грех был осознан славянами как опаляющий душу огонь. Невосприимчивость ко греху – свидетельство <...> омертвления души» [5, с. 96].

4. Концепт *свет* вербализуется в Прологе не только при помощи прямых наименований, тематических и синонимических связей в контексте, но и при помощи актуализированной антонимии лексических единиц. На основе антонимии выстраивается важнейшая антитеза *вечная жизнь – временная жизнь*, где вечная жизнь осмысливается как собственно цель земной жизни, как небо, небесное царство, всяческие блага – и царство Света, тогда как временная жизнь сопровождается такими смысловыми акцентами, как суетное житие, зло, грех, страсти и борьба с ними. *Потщитесь братие молю вы къ вечней жизни и светлей юже нам Господь по Своей милости ту даст. А сея временныя яко змии ядовитых бегаимъ. И не прикасаетесь имъ. Господу Богу уготавишу нам на небесехъ житие и Самому позвавишу ны то мы угажаяще* («Слово святого Лариона о пользе

души») [3]. Символом вечной жизни является свет. Именно с этого начинается свое поучение автор. Весь фрагмент имеет антитетическое построение: имеет весь фрагмент. Святитель призывает: *Въспрянемъ яко от сна. Поидемъ по ускуму пути вѣдущему ны в царство небесное. Вдадимъ телеса своя на трудъ на постъ на молитву на въздержаніе*. И сразу же автор предостерегает читателя: *Да почто не жалимъ си яко своею леностію лишаемъ вѣчныя жизни*. <...> *Да почто годимъ тленному сему телу*. Далее вновь святитель Ларион обращается к читателю с призывом непрестанно трудиться духовно и телесно (*но трудимся и сушишь телеса наша*), противопоставляя добродетели греху: *Христосъ ны Самъ зоветъ а не человекъ. Царь царемъ и Господь всехъ. Да к Нему умъ преклонивъше зде поживемъ богомудрено. Постомъ и молитвою и трудомъ. И пениемъ плачущися грехъ своихъ. Присно имеюще Бога пред очима. И день судный* («Слово святого Лариона о пользе души») [3]. Лексемы, обозначающие добродетели и атрибуты подвижничества, формируют представление о пути, ведущем в жизнь вечную – в царство вечного и абсолютного Света. Наименования греха оттеняют семантику антонимичных единиц и формируют представление о том мире, где нет света.

Иногда в составе антитезы предполагается, но отсутствует второй компонент. Однако именно благодаря логической и нравственной традиции противопоставления света тьме отсутствие ожидаемой оппозиции становится значимым, превращаясь в нулевой знак. Так, в «Слове святого Симеона Нового Богослова», которое также содержится в исследуемом памятнике письменности, читаем: *Но от помрачения от потемнения от безумия и суетнаго мненія <...> въ истину осуетишиася в помыслившихъ своихъ. И омрачися неразумное ихъ сердце. И пребыша въ египте сиречь въ тме страстей своихъ и сластей* [3]. Текстовая и нравственно-этическая традиция сама дополняет недосказанное автором: и пребыша вне Света, вне вечной жизни, вне Бога. В сознании читателей, принадлежавших к древнерусской православной культуре, легко выстраивались необходимые смысловые импликации.

5. Наконец, концепт *свет* вербализуется при помощи введения в текст целого фрагмента словообразовательной парадигмы с корнем 'свет' и фрагментов грамматических парадигм соответствующих однокоренных слов: *Явленный в царехъ свещникъ превеликій господинъ Иоаннъ съ царицею любезнымъ супругомъ <...>*

принести светлое <...> аще нечто приложитъ от нихъ что велие. Яко супротиводаріе светлейшаго венца. Светъ свещеваше и конецъ зело чуденъ иже к свету притицати царицину [3]. Кстати, по приведенному примеру видно также, каким образом обожествлялась в сознании православной Руси царская власть: ее атрибуты обозначались именно лексемами, вербализующими концепт *свет*, который, как говорилось выше, включал в себя признаки божественности.

Приведем еще один пример: *Да Ты ми просветиши умъ и смыслъ светомъ разума Твоего. Не тъкмо чести написанныхъ но и створиши. Да не въ грехъ себе святыхъ житія и словеса прочитаемъ. Но въ обновление и въ просвещение и въ святыню и въ спасение души моеи. И въ провозожение жизни вѣчныя. Яко Ты еси просвещение лежащимъ въ тме и от Тебе есть всяко даіе благо* («Слово святого Иоанна Златоустаго о томъ како подобаетъ чтения послушати») [3]. Свет разума – просвещение – тем и отличался в сознании православной Руси от просто учения книжного, что помимо прочтения предполагал в результате добротворение. Именно такое научение, созидательное по своей цели, было сродни Благому и Божественному Свету.

Безусловно, есть все основания полагать, «что Русь родилась не в духовной пустыне, а выросла на почве своеобразной и по-своему светлой языческой культуры славян», выбрав в качестве самоназвания лексему *человек*, означающую 'сын рода' [5, с. 123]. Христианский духовный опыт Руси зарождался и культивировался на той самой почве «светлой языческой культуры». И это был новый опыт, опыт приобщения к Вечности, опыт обретения Вечности во временной жизни, опыт видения царства Вечности через созерцание «сверхразумного и неприступного света, света небесного, необъятного, надвременного, вечного, света, сияющего нетлением, света, обоживающего обоживаемых» [2, с. 380].

Список литературы

1. Концевич И.М. Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. 230 с.
2. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. СПб.: Наука, 2007. 429 с.
3. Пролог с мес. июня по ноябрь 1429 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stsl.ru/manuscripts/index.php> (дата обращения 10.01.2011).
4. Хабарова О.В. Лексические средства выражения концепта «безобразный» в древнерусской картине мира XI–XIV веков [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: www.klgtu.ru/ru/magazine/2009_15/42.doc (дата обращения 10.02.2011).

5. Павлов С.Г. Основы русского языкового менталитета. Н. Новгород: НГПУ, 2011. 179 с.

**SOME PECULIARITIES OF VERBALIZATION
OF THE CONCEPT *LIGHT* IN THE SLAVIC-RUSSIAN PROLOGUE OF THE 15th CENTURY**

T.D. Markova

The article describes the means for verbalization of the key Christian concept *light* in the Old Russian Prologue. The author gives some examples of text syntagmatics, contextual synonymy, antithesis, repetition of the same root that are used to indicate various features of the concept *light* in the Prologue.

Keywords: Prologue, concept, verbalization, syntagmatic relations, contextual synonyms, antonyms, antithesis, word-formation paradigm.